

Когда вдали замолкают пушки...

Страницы лауреатов Всероссийского литературного конкурса им. А. Л. Чижевского

Татьяна Селезнёва

(Московская область)

● ● ●

А когда ненадолго вдали замолкают пушки,
Где-то между пятью и пятью тридцатью утра,
Появляется муза.
Хватает блокнот и ручку,
Говорит: «Пора».
И слова рассекают бумагу—
Бумага плачет,
И герои встают, как живые, за рядом ряд.
Пограничники Курска,
Двухлетний луганский мальчик,
Слово «папа» услышавший позже,
Чем слово «солдат».
Записать,
Не забыть ни мгновения жизни фронта,
Не забыть,
Как в огне остаётся за годом год.
Чёрно-белой картежью по смятым листкам блокнота
Воспалённая память отчаянно бьёт и бьёт.
Медсестра из Попасной,
Военный из Лисичанска,
Мариупольский кот из разрушенного двора.
...Снова пушки.
И муза, надев камуфляж и каску,
Говорит: «Пора».

● ● ●

Над Запорожьем дождь и над Москвой—
Одно и то же раненое небо.
Прижмись к стеклу—
Как будто мы с тобой
Стоим вдвоём, укрывшись серым пледом,
Как будто в мире больше нет войны,
И тишину несёт на пальцах ветер.
Мне страшно не очнуться до весны,
Мне страшно до весны тебя не встретить,
Но я храню в руках твоё тепло,
Доверив наши судьбы воле Божьей.
...Я глажу дождь в Москве через стекло,
Чтоб он обнял тебя под Запорожьем.

● ● ●

А вы молчали восемь долгих лет,
И вашей немотой давилось небо,
Когда Донецк, в руинах и золе,
Делил на всех одну краюху хлеба,
Когда стал алым в прошлом белый снег
И от обстрелов глохли луганчане.
А вы сейчас кричите: «Нет войне!»—
Войны внутри себя не замечая.
Мне хочется склониться и рыдать
Над каждым, кто остался на Донбассе
За восемь лет войны.
За города.
За мир и за семью,
За свет и счастье.
А вы теперь кричите: «Нет войне»—
Не зная, как вы раните словами.
...И больно.
Почему-то больно мне.
А небо криком давится над вами.

● ● ●

В Киеве думают: памятники снесут—
И сорок пятого будто и не бывало.
Не человеческого страшен,
А Божий суд.
И перед Богом нам всем поднимать забрала,
Маски снимать
И учиться смотреть в глаза.
Не перепишешь историю в Божьем сердце.
Совесь ударит, как загнанная гюрза,
И от неё в небесах никуда не деться.
В Киеве думают: Пушкина запретят—
Русский язык перемелется и исчезнет.
Книги сжигают,
Но книги-то не горят,
А поднимаются буквами в поднебесье.
Там и Шевченко, и Пушкин, и Мандельштам
Чай попивают
И тихо ведут беседы:
Бога нельзя беспокоить по пустякам—
Много работы у Бога до дня Победы.

Екатерина Годвер

(Москва)

.....

● ● ●

Завалено лесное озерцо
Берёзками, гнилыми с малолетства.
Моё в нём искажённое лицо
Отражено чудной гримасой детства,

Которое по тысяче дорог
Идёт вперёд, не ведая развилок.
Запутанной истории пролог
Выводит незаметно к месту силы—

На точку приложения мечты,
Ещё не облечённой в форму слова,
Где чай, разлитый в кружки, не остыл;
Где небо по-осеннему сурово

Стремится вниз—но хмарь мила, когда
Трещит костёр, а волны гасят ветер...
И снова берег. Чёрная вода.
Моё лицо в неверном лунном свете.

Вокруг туман. В тумане скрыта цель.
Сказать точнее—лишь идея цели.
Нелёгкий путь за тридевять земель
Петляет у подножья старой ели...

Служить нельзя выслуживаться брось
Регресс съедает знаки безвозвратно
Чужое время вывернуто вкось
Растянуто разорванной палаткой

полвека
полминуты
полчаса
полжизни от прорехи до прорехи
и на рассвете чьи-то голоса
зовут меня
как может только эхо

но я смотрю
в лицо своё
смотрю
пытаюсь вспомнить
имя
что-то вроде...

Выходит тень к погасшему костру,
Подбрасывает хворост и уходит.

Денис Ткачук

(Астрахань)

.....

● ● ●

Вагон качается хмельной—
и свет мигает,
и чёрный дым летит за мной—
не догоняет,

не проводник заварит чай—
а сам апостол,
разговоримся невзначай—
легко и просто,

промчится жизнь, как товарняк,
за ней—другая,
и вот—разбуженный сквозняк
в купе гуляет,

со мною—всё, что я не смог,—
мои осколки,
и вера в лучшее, и Бог
на верхней полке.

● ● ●

Посмотришь из окна—
почувствуешь родство
с домами, фонарём,
москитной пыльной сеткой,
и, обретая на
минуту естество,
останетесь вдвоём
с пустой тетрадью в клетку.
Машина входит в грязь,
как будто ищет брод,
а город, свет гася,
на память дарит слово:
презрением дождь обдаст,
и ветер оттолкнёт,
и только ночь тебя
обнимет, как родного.

Тома Королёва

(Калуга)

.....

Гиперборея

У прародины предков, среди валунов,
Осмотрюсь, изучая менгиры.
Будто где-то на стыке кровавых веков,
Я бреду по окраине мира.

Эти ветры поют о славянских богах
И святилищах нашей планеты,
О сакральной Арктиде, пророческих снах,
О Земле, что полгода без света.

Россыпь рыжей морошки сжимая в руках,
Мыслеформы в сознании грею.
Я услышу тебя в сейдозерских вратах,
Я найду тебя, Гиперборея.

Тундра

Звуки леммингов, топот оленьих шагов
Тихо спрячет фисташковый тундровый мох,
Здесь не плачет душа на границе миров,
Растворившись в обители северных снов.

Станет крик её песней, летит сквозь года,
Между сопок, каньонов, ущелий и скал,
Как симфония ветра, меня навсегда
Привязав. Здесь ответы, что тщетно искал...

Мне спокойно на крае планеты отныне,
Я спускаюсь в пещеры, не ведая дна.
И в толпе, и в тайге, и в кодарской пустыне
Я не больше, не меньше, чем в тундре... одна.

Дарья Князева

(Воронеж)

.....

Когда вглядываешься в пятнышко туманности Ориона
в середине ночи,
кутаюсь в несколько слоёв одежды,
седой парок выдыхая,
Земля перестаёт быть огромной,
перестаёт быть опорой,
к которой мы для надёжности прикреплены корнями
постылого тяготения и,
как в аквариуме,
болтаемся в ясельной атмосфере,
ракетами переругиваясь, перестрелками переговариваясь,
причинением мира и демократии угрожая.

А делается Земля маленькой,
исчезающе крошечной,
игрушечным шариком,
перламутрово-синей горошиной,
в неохватном пространстве по сложной кривой бегущей,
огibaющей невидимое и массивное,
огibaющей тёмное и неизвестное,
по счастью, пока в стороне от сверхновых и прочей нечисти.
От астероидных пуль ускользает юрко
подробная динамическая миниатюрка.
И тяжело ей, бедненькой: буры в неё вгрызаются,
тут и там на курчавой шкурке
дымят подпалины,
морщинки оврагов хламом гнилым завалены.
Без людей ей, наверное, стало бы лучше...

Ходят слухи, что ядерный взрыв выжигает душу
и того, кого захватил, и того, кто нажал на кнопку.
Чёрный ход из сансары,
без СМС и дополнительной регистрации,
или генеральная заключительная уборка.

И в какой-то момент настигает такое «страшно»,
что уже не страшно — предельная
чрезвычайная разновидность страха.
Становится жгуче и остро стыдно.
Не за Гитлера, Сталина или Трумэна,
не за бен Ладена, Чаушеску и Пиночета,
просто за человека.
В целом за человека.

Через несколько минут ужаса
совсем ничего не чувствуешь.
И от равнодушно мерцающего Ориона,
и от его бесконечно далёкой туманности
опускаешь глаза долу.
И прячешься
в пережжённый воздух,
в дощатый остов
немолчно гомонящего корпуса
ответшалоного детского лагеря или турбазы.
Смотришь изнутри на черноту,
разъятую рамой крестообразно,
и неуместно кланяешься кресту.

Виктория Беляева

(Ростов-на-Дону)

Радуги-подковы

— Ты посмотри, что эта псина делает. Ну, гад, поймаю — получишь, не отвертись. Стой, а ну, грабитель блохастый, стой, говорю тебе!

Круглая тётка в ватнике, пуховом платке и валенках засуетилась между картонной коробкой с ледяными окорочками и убегающей собакой дворянской породы. В зубах псина держала синие куриные ноги.

Предновогодний рынок был усыпан бриллиантовым снегом. Среди ёлок, мандаринов, жареных пирожков и палаток с контрафактом лавировал вместе с «добычей» пёс.

Из динамик около ларька с кассетами женский голос бархатно тянул:

Вишня, вишня, зимняя вишня,
Прекрасных ягод аромат.
Белый снег ложится чуть слышно,
Никто ни в чём не виноват...

Тётка смачно сплюнула, шмыгнула носом и визгливо спросила у бомжеватого прохожего:

— А ты чего тут отираешься у кур? Или бери, или мимо чеши давай.

Мужчина остановился, с улыбкой вдохнул мороз, достал из кармана деревянную подкову с бечёвкой, подмигнул и протянул её продавщице: — С наступающим, красавица! Не хмурься, светись.

Тётка хмыкнула, скрутила губы трубочкой и задёрнула курносый нос. Морщинки около глаз распрямились и стали похожи на крошечные солнечные лучи. Она сняла рукавицу, взяла за верёвку подкову, и та закачалась, как детская мечта. Тётка стала разглядывать резной рисунок и спросила у мужчины:

— Ишь ты, какая мудрёная вещица. Спёр, небось, малахольный? Но ить какова подкова — точно от Сивки-Бурки. Тебя как звать-то, дядя?

Мужчина, запрокинул голову к небу, прищурил один глаз, ответил:

— Николаем меня звать, красавица. А подковку я сам сделал. Люблю запах сосны и дуба, они детством и лесом пахнут. Подковка-то волшебная, ты её у входа над дверью повесь — она тебе счастье в дом обязательно принесёт. Ей-богу, красавица. С душой ведь сделана.

Тётка подула на подкову и ласково коснулась её сучковатой поверхности. Потом спрятала в карман, бросила в пакет два тощих окорочка и крикнула уходящему мужчине:

— Эй, Коля, на вот тебе к Новому году от меня кой-чё. Ну, в общем, бери. Бери, да не мнись, я тоже от чистого сердца. И тебя с праздничком, кхе-кхе.

Мужчина нерешительно взял в потрескавшиеся пальцы куль с куриными льдинками:

— Ну, дай Бог тебе здоровья и мира, красавица. Дай Бог тебе мыслей светлых и дней ясных, как глаза твои тальковые.

Тётка поправила выбившиеся волосы и хохотнула:

— Скажешь ведь — красавица. Ну и тебе, Коля-Николай, не хворать.

Наблюдавший картину дед в каракулевой шапке и с остренькой бородкой прокашлялся и спросил скрипучим голосом:

— Мадам, позвольте полюбопытствовать: это лирическое представление ещё долго тянуться будет? Мне бы кило куры. К столу новогоднему успеть, так сказать, блюдо организовать. Время, мадам, летит, понимаешь, мчит. Вы слышите, курятинка нужна мне!

Тётка опять примерила хмурое выражение и хотела огрызнуться, но нащупала в кармане подкову. И молча начала класть бёдра на весы.

Когда продавщица рассчиталась с покупателем в каракуле, Николай уже исчез. Она сняла перчатку, достала подкову, похожую на крошечную радугу, вспомнила о ёлке в деревенском доме деда и бабки. Там над входной дверью тоже когда-то висела подкова, только настоящая, медная, с трещинкой. Дед смеялся, что когда-то одной левой гнул их, а вот эту оставил для бабуся. На казачье уютное счастье.

Николай вышел в ворота рынка яблочного цвета. Прошёл несколько метров в сторону застывшей стройки. Огляделся, нырнул в обитый фанерой и дерматином вагончик, потом позвал:

— Фимка, Фима-а-а, ты здесь, бродячая душа?

В ответ услышал шкрябающие звуки и быстрое неровное дыхание. Тогда Николай продолжил:

— Ну я это, я. Выходи, свои ж дома, хорош опасаюсь. Я обед тебе праздничный раздобыл — гляди. Ну где же ты, Фимушка?

Из-под деревянных досок показалась серая взлохмаченная псина. Та самая, которую тётка не сумела остановить. Собака радостно завилала сваявшимся хвостом, подпрыгнула и упёрлась лапами в грудь Николая, а потом лизнула его в нос. Мужчина засмеялся и одной рукой потрепал собаку за холку, а другой показал окорочка:

— Такие новогодние чудеса, Фимка. Вот видишь, Божья милость и доброта человеческая не оставляют нас. Красавица одна нам новогодний стол организовала. Хорошая женщина, румяная, сердечная; правда, замёрзла, душа детская. Теперь отогреется, засияет.

Пёс радостно взвыл, крутанулся, а потом исчез за фанерной коробкой. Через секунду он уже тыкал в куртку Николая синими ногами кур.

Мужчина присел на матрас, что стоял на кирпичиках, и молча заплакал. Слезы заскользили

по глубоким морщинам, которые резали его смуглое лицо. Фимка тут же лизнул Николая в щёку, а потом, положив свой подарок рядом, сам же зарыл морду в коленях хозяина.

На город упали сумерки и окрасили снег дымчатой тайной. Николай прижался к псу и сказал: — Вот зажгу керосинку, Фимка, и такой с тобой ужин справим, самый что ни на есть новогодний. Две души — уже компания. А за подковки наши ещё выручить успеем. Не всё ведь в мире на продажу. Хоть кроху счастья дай человеку, не жалея, не считая, глядишь, он засветится, озарится, отогреется сердцем. Все мы дети Божьи, Фимка, во всех нас любовь живёт, дай ей только на свет выйти, расправить крылья, зазвучать. Правду говорю, верная ты голова?

Пёс протяжно зевнул, перевернулся на спину, заёрзал; ветер ворвался в незапертую бытовку и пробежал по висевшим вдоль стены деревянным радугам. Они, ударяясь друг о друга, музыкально застучали, зацокали.

Николай встал, зажёл керосиновую лампу и прикрыл двери.

— Вот и ветрушка нам спел, пожелал счастья, праздник вдохнул. Ничего, Фимка, живы будем — не помрём! Зима добрая к нашему брату бродячему. Сколько ещё дорог, сколько подковок-радуг раздать надо.

В небе сквозь облепиховые звёзды прокрался месяц. Николай улыбнулся жёлтому страннику сквозь окно и сказал собаке:

— А вон и небесная подкова засияла. Не одни мы, Фимка, весь мир и Бог с нами, куда бы мы ни отправились.

Татьяна Филатова

(Ульяновск)

.....

Глушь

Запели сверчки. Свет вытянутым прямоугольником упал на землю. В прямоугольнике вычертился крест окна. Дальше свет падал на широкий ствол сосны, за ней — тьма разных оттенков: умбра на земле, кобальт на заливе и шунгит на другом берегу. Он поднял голову: небо даже ночью светлее, чем земля. Прошёл босыми ногами по ломким сосновым иголкам, на границе леса и берега песок привычно холодил стопы. Посмотрел: с противоположной стороны сквозь ночь мерцали, забегая в воду, огни турбаз. Монотонный плеск волн нарушала музыка. На другом берегу студенты политеха отмечали новую смену. Поодаль над водой поднялся розовый шар, через пару секунд донёсся хлопок, спящая ворона взметнулась с ветки и с криком улетела в лес. Поднялся

жёлтый шар, раздался новый хлопок. За заливом отмечали свадьбу. Он посмотрел в небо: прямо над макушкой виднелся далёкий хвост нашей Галактики бледной полосой, которую принято называть Млечным Путём.

Послышалось отдалённое утробное тарыхтение мотора. Он опустил глаза, отыскивая в темноте свою лодку. Спустился к воде, под ногами влажно хлопало, хрустели пустые раковины моллюсков, волны глухо бились о металлический борт. Неразличимая в темноте, по заливу плыла другая лодка. «Браконьеры, — понял он, — сети проверяют». С тех пор, как одного мужика на заливе рыбнадзор оштрафовал в стоимость его дома, никто днём сети не поднимал. Сейчас даже за «телевизор» и бредень — штраф. Он давно не промышляет рыбой, не охотится, не собирает грибы, ягоды, даже траву. В лодку свою почти не садится, но боится, что однажды её утонят. Речная вода прильнула к ступням, он закатал штаны, сел на деревянную банку в середине, железное дно шикнуло о песок. В камышах крупная рыба плеснула хвостом — вот так и пригрезятся русалки. Поднял глаза на свой дом. На всём его берегу светилось только окно на втором этаже дома да уличный фонарь над дверью. Оглянулся: свет поднимался вверх по стволам и заканчивался на макушках сосен. Над соснами было тёмное небо, и над небом были звёзды. Накренив один бок, лодка выпустила хозяина. Пока поднимался к дому, заметил в траве одинокого бледно-зелёного светлячка, светящего сквозь ночь своей подруге. Поднял светлячка, пересадил повыше.

Утро было белым. Небо, сплошь облачное, отражалось в воде цвета цинковых белил. Лес на другом берегу синел хром-кобальтом, размешанным с белилами. Тёмными точками на заливе замерли две лодки, третья, еле различимая, пряталась в тени берега напротив. Он отошёл от окна, взял с деревянной полки хрустящий пакет цикория, заварил в стеклянной чашке с неразличимым рисунком: то ли зайчик, то ли мышка. Положил в карман треников две мелкие розовые ранетки. Вышел во двор, терпко пахло хвоей. Остановился у грязной металлической площадки — кот пропал два дня назад: может, ещё вернётся, а может, тоже ушёл насовсем. Впереди вытоптанная годами дорожка к обрыву берега, в траве под ногами зашуршали ящерицы. Еле различимые волны струились по мокрому песку, в камышах белела его дорожка для купания. В августе вода уже прозрачная, но холодная. Сощурился от утреннего света, пробежал глазами по знакомому силуэту леса на другом берегу, посмотрел на блестящие прямоугольники металлических крыш сквозь деревья. Большой орлан со свистом опустился к воде, расправил крылья и выставил вперёд когтистые лапы, схватил рыбёшку, тяжело взмахнув, поднялся в небо.

Там раскатистым заливистым криком перекликалась стая. По земле, заросшей подорожником, закружились тени орланов.

Вернулся к дому, обогнул покосившийся забор. Песчаная дорожка поднималась вверх, с двух сторон стояли треугольные домики, все как ладони, а за ними ржавые ворота, сетка-рабица. Он пробежал глазами дома, сложил руки на груди: в разбитых окнах трепыхались бесцветные тюли, масляная краска, как шелуха, как опавшая прошлогодняя листва, окружала каждый домик.

Сверху гулко, как в барабан, стучал дятел, разбивая полость в берёзе. Паутина липла к лицу невидимыми нитями, на чёрных штанах оставалась рисунки. Вышло солнце, осветило блестящие осколки стёкол в окнах. Он отвернулся, зашагал назад, поднял голову: на железной трубе на коньке его дома вздрагивал от высокого дуновения потрёпанный флаг. Со сменой этого флага много изменилось для него навсегда. Зашёл в туалет, мухи взвились и застучали в потолок. Над уличным умывальником висело зеркало, прибитое к стволу сосны. Посмотрел на себя: белые лохматые кудри, брови торчком и комковатая борода ниже ярёмной впадины, зарос, одни ярко-голубые глаза видны под тёмными веками. Типичный лешак или святой с икон. Однажды он побрился перед приездом внука, чтобы не напугать мальчугана. Дочь так удивилась, сказала, что он в своём «монастыре» не стареет.

Молодым он себя помнил хорошо, как будто это было вчера. Сначала выучился в том политехе, потом женился на дочери директора проектного института, устроился туда архитектором. В тридцать лет стал ГАПом — главным архитектором проекта. Тут же институт начал строить туристическую базу далеко от города, на берегу залива, похожего на озеро среди соснового леса, для летнего отдыха своих сотрудников. Ему поручили делать генплан и чертежи домиков. Он продумал всё так, что турбаза была как ладони: если смотреть на неё с берега, то каждый домик стоял с уступом по отношению к предыдущему, чтобы отдыхающие чувствовали себя уединённо. Ближе к пляжу поставил кухню с электроплитами и видом на залив — место притяжения, а рядом большая беседка с длинным столом, чтобы обедать в компании и отмечать День строителя. На Первомай началось строительство, сразу после демонстрации. Всех погрузили в два институтских автобуса и повезли с детьми, палатками и консервами через Волгу, поля и деревни в лес. Строили отрядами всё лето, готовили на костре, за детьми следили посменно, тогда все сдружились, пели песни у костра. Он заметил, что засыпает и просыпается в своей палатке с улыбкой и из хмурого молодого руководителя в костюме превращается в весёлого загорелого парня, который и рыбу умеет поймать,

и на костре в котелке приготовить, у которого всегда наготове анекдоты и рука помощи.

Кое-как отзимовал зиму, к лету должен был родиться старший сын, на Первомай поехал «к себе в глушь» — достраивать. Тогда же и попросился быть начальником турбазы. Жена ругалась, она хотела видеть мужа начальником предприятия, а никак не турбазы. Сначала уговаривала, мирилась, пыталась понять; муж следил за домами «у чёрта на рогах» круглогодично, жил в железном вагончике, топил буржуйкой. В сезон охоты и на Новый год к нему приезжали друзья с угощением, он пил и смеялся. Два сына чуть подросли, жена ушла к инженеру. Он не долго горевал, в институте был главной звездой коллектива, начал писать картины, как в студенческой молодости. Потом как-то поехал на своей моторке через залив в село за хлебом, там встретил вторую жену — выпускницу училища культуры по распределению. Вдвоём они расписали домики на турбазе: где коты, где олени, где лисы. Женился, родилась дочь, построил за счёт института большой дом, снизу кирпичный, второй этаж деревянный. Так и шла жизнь: летом отдыхающие, каникулы у дочери, в остальное время свобода и наскоками гости с угощениями. Зимой ходил на лыжах через залив, осенью научился охотиться на уток, завёл двух собак, украсил птичьими крыльями стены.

Вечер был серо-синим, другой берег затянула то ли дымка, то ли первый туман. Теперь он смотрел на свою моторку, на которой когда-то в первый раз привёз на этот берег вторую жену, а тогда девятнадцатилетнюю девчонку. Теперь и она на пенсии, живёт в материной «однушке» на краю города.

Песчинки захрустели между пальцев, в песок были втоптаны обрывки бечёвки и спутанные куски пластиковой сети, отпечатки его шлёпанцев. Дохлые рыбы, выброшенные на берег, круглыми глазами удивлённо смотрели в небо. Скворечники на соснах затихли до следующего года. На откосе чернели угольки костра, который разводила дочь, когда приезжала с внуком из города поздравлять деда с Днём строителя. Сыновья давно перестали с ним общаться, он даже начал забывать, сколько им лет, где-то примерно по сорок, у них жёны, дети и должности. «Как я к ним, так и они ко мне», — думал он. Но хотел бы другой жизни? Этот вопрос он задавал себе тысячи раз, как будто проверял, и каждый раз с улыбкой на сморщенных губах отвечал себе: «Нет». Теперь он понимал, что его время на этом берегу заканчивается. Дочь то и дело предлагает забрать его в свою «двушку» с лифтом и телевизором, он кивает и машет рукой: мол, погоди, успеется. Конечно, он бы хотел умереть здесь, чтобы здесь его похоронили, под дубом с его картин. Если умрёт в городе, кто его сюда повезёт, где его похоронят — на городском кладбище, которое больше, чем ближайшее село?

Ему этого не надо, после смерти он бы хотел стать частью этой земли.

Он толкнул лодку в воду, подобрал припасённый в камышах шест—вода ушла, надо оттолкнуться от дна, чтобы поплыть. В камышах шелестел ветер, блестели спинки испуганной селитёрки, цапля утробно крикнула, расправив крылья. Оттолкнул немного, лёг на железное дно, прикрыл глаза, и течение медленно подхватило лодку от берега. Речные мушки садились ему на бороду, кружились над лицом, облака то пропускали, то закрывали солнце. Прогромыхала моторка.

— Дядя Миш! Эй! На борту!

Он встрепенулся, приподнялся на локтях, выглянул, щурясь,—старческий сон слетает не сразу, потёр глаза.

— О, ты здоров! Я уж испугался. Ну, бывай.

Обернулся, его берег был уже далеко, только жестяная крыша дома блестела на солнце, да ободранный флаг прикрывал её, движимый ветром. Он посмотрел на мотор, обтёр с него блестящие паутинки. Дёрнул раз—мотор отказывал, дёрнул второй—мотор глуховато рыкнул и замолчал, дёрнул третий раз—мотор поплевался и заглох, дёрнул четвёртый, пятый, он хотел плыть, поскорее вернуться назад. Наконец мотор заработал, затарахтел, поддавшись упорству хозяина. Доплыл быстро, рассекая рябь барашками. Прыгнул через бортик, вода на берегу мелкими брызгами плеснула в лучах солнца.

Вечером вернулся кот. Ещё поживём.

Анна Воронина

(Брянская область)

Прощальный визит

Санька натаскал воды из колодца и теперь сидел на печи—мамка отправила, чтобы не путался под ногами да согрелся.

Сегодня в избе шумно. После освобождения района часть отнятого немцами скота была возвращена хозяевам. Для семьи с шестью детьми это стало настоящим праздником. Долго ждать не стали, с продуктами было туго. Заколоть свинью попросили деда Пашу: побоялись, что сами не справятся, хотя брат Фёдор хорохорился, что он уже взрослый. Сосед прошёл не одну войну, а на эту старика-калеку не взял. Вот и ходили бабы к нему за помощью. Не отказал дед Паша и в этот раз.

По такому случаю накрыли стол. Сосед любил поговорить, а когда выпьет—особенно, и сейчас, после пары стопок, он рассказывал интересные истории.

Отведав жаркое, захмелевший сосед поблагодарил за угощение и ушёл. В избе стало тихо

и как-то совсем темно. Зажгли керосинку и пару свечей. Обычно старались экономить на всём, но сегодня оставалось ещё много работы: свежину нужно было обработать—приготовить, засолить, закатать.

Санька лёг, подложил руки под голову. Он вспоминал отрывки из дедовых рассказов. Мама и сёстры затаили песню о несчастной девице и её горькой судьбе. На стенах «играли» тени. Раньше они с отцом часто по вечерам вместе так лежали, наблюдали за тёмными фигурами, потом отец рассказывал сказки. Мальчик любил такие моменты больше всего на свете, каждую историю он знал наизусть, но каждый раз слушал, затаив дыхание.

Когда отец уходил на фронт, мать и сёстры плакали навзрыд, а папка только смущённо прикрикивал на них:

— Ганна, не шуми! Девки, хватъ нюни распускать!

Семилетний Санька сидел на лавке и пытался сдерживать слёзы. Отец подошёл и присел рядом, ласково потрепал по русской головке:

— Не реви, малец. Скоро ворочусь я.

Прошло два года...

Санька шмыгнул носом. Он скучал по отцу.

Рядом скрипнула дощатая кровать, по ней дети забиралась на печь. Мальчик быстро провёл рукой по лицу.

— Чего притих?—закричала у самого уха сестра.

— А ты чё орёшь?—буркнул Санька и покрутил пальцем у виска.—Оксана, ты совсем тю-тю?

— Мамка зовёт, дров принести,—ответила сестра и соскочила вниз.

Громкий треск, потом ещё раз и ещё, но не рядом, а за дверью, на улице. Раздались хлопки, потом гулкие удары по порогу. Все в избе бросили свои дела, глянули на дверь, замерли в ожидании. Было в этих звуках столько привычного и родного. Заскрипел снег. Кто-то застучал в окно.

— Ганна! Ганна! Ганна!..—раздалось со двора.

— Папка вернулся!—заорал Санька и спрыгнул на пол, сильно ударил ногу, но сразу подскочил и бросился за дверь.

За ним остальные. Бежали кто в чём был, не заботясь, что на улице зима. Санька даже валенки позабыл. Ведь это был папка! Только он так оббивает свои сапоги, приходя домой, это его голос, чуть уставший, зовёт мать, чтобы вышла да «подмогла». Он слышал это множество раз, каждый день, каждый вечер раньше, ещё до войны.

Санька остановился у порога, вглядываясь в темноту. Было пусто, никого... Здесь не было никого...

— Василь, не пужай!—надрывно закричала мать. Тишина...

Фёдор бросился вперёд на улицу, Санька за братом, за ними остальные. Осматривали каждый уголок двора, несколько раз обежали дом, искали

в саду, несмотря на сугробы и нетронутый снег. Санька уже не ощущал босых ног.

Мать позвала в дом. Она прижала Саньку к себе и тихо бормотала:

— Вот куда без обуви, шалопаи? Совсем продрог. Ажно пальцы побелели. На дворе — не лето, поди, а ты чего удумал?..

Мать затихла, посмотрела на дверь, а потом как-то чересчур засуетилась:

— Полезай-ка на печь. Полезай, погрейся. Работы ещё полно.

Каждый поспешил вернуться к своим делам. Все молчали, а Саньке хотелось говорить об отце: куда он мог деться, или кто это был? От него только отмахивались. Мальчик лежал на печи и плакал.

Наревелся и провалился в сон, где его обнимал отец. Было хорошо и тепло. Санька спросил: «Это ты приходил?» Отец виновато улыбнулся и крепче обнял его.

Через неделю пришла похоронка...

Владимир Победа

(Мурманск)

Апельсиновое дерево

В полированном звуконосителе патефона отражался белый круг луны. Её мягкий свет проливался в небольшую полупустую комнатку, и длинные тени кровати, стульев и раскрытой коробки патефона тянулись к двери.

— Первым делом шторы. И это не обсуждается,— Светка ткнула локтем, и Костик кивнул.

Крутилась пластинка «Strangers in the night», и бархатный тембр Синагры убаюкивал. Костя переключил мобильный на вибро, откинулся на подушку и прикрыл глаза. Светка сидела рядом, скрестив ноги и зажав планшет коленями.

— Затем стулья. Давай на кухню возьмём высокие барные, — поджимая и прикусывая губу, она пролистывала фото.

Мобильный пару раз предательски вздрогнул. Костя сжал его в кулаке и мигом спрятал под подушку. Нащупал переключатель и поставил беззвучный. Выждал немного, чувствуя, как горячо наливаются щёки, и только потом чуть приоткрыл глаза. Светка, сдвинув брови, что-то увлечённо рассматривала на планшете. Её длинные каштановые волосы были спутаны долгим, трудным днём. Светка собрала их в хвост, перекинула через плечо себе шею и плечи.

«И почему Светка не хочет каре?» — задумался Костик.

Они встречались совсем немного, и потому решение съехаться застало друзей врасплох. Затем

года три прыгали по съёмным квартирам. Дешёвым — тесным и неудобным. Дороже — просторным, но таким же чужим. У неё — пока отец в море, у друзей — пока те в разъездах. Костя успел утомиться рваным ритмом, говорил Свете: хочет остановиться. Как вдруг этот вариант.

— Я не прощу, если мы упустим её, — Светка буквально парила, была наполнена счастьем от живото до макушки.

Светлое однокомнатное гнёздышко у метро в новостройке. И если оплатят вперёд на год, обещали хорошую скидку. И Костя сдался.

Босиком Светка прошлёпала к патефону, погладила его шершавый выцветший корпус, перевернула пластинку и в два прыжка вновь оказалась на кровати. Она назвала себя патефилкой в шутку на первой встрече. Он продавал старые отцовские винилы, а она пополняла коллекцию. Так и познакомились.

Снова запел Синатра, и перед тем, как уснуть окончательно, Костик услышал её далёкий неясный вопрос:

— Оно будет первым общим... Берём?

— Конечно, — выдохнул Костик и потерялся сном.

— А потом будет общий второй, — Светка на секунду улыбнулась и погладила свой живот. — Двинься ближе, Кось.

Она звала его Кось только в минуты особой нежности. Светка потянула за руку, чтоб повернуть Костю. Его мобильник в этот момент выглянул из-под подушки, а по экрану полз чёрный текст сообщений.

Утром из клочка бумаги на холодильнике (не было даже магнита, и она прилепила записку жвачкой) прочёл, что она увидела в телефоне чат и те фото из гостиниц. А ниже было дописано, белло и неровно (видимо, когда листок уже был под жвачкой): «У нас не будет ничего общего».

Ей даже не пришлось собирать вещи, они так и стояли в коридоре в двух сумках. А ещё через неделю в дверь позвонили.

— Ваше апельсиновое дерево, распишитесь.

— Моё что? — Костик крутил рукой, пытаясь подобрать слово.

— Ваше дерево, — невозмутимо повторил курьер, — апельсиновое, — и протянул накладную.

«ФИО и адрес мои, но я не... Светка, — догадался Костя. — Наше первое общее...» — вспомнил он.

— Не принимаю! — выдал официально Костя, но тут же добавил мягко, заглядывая в глаза: — Я же могу отказаться?

— Наверное, — скучающе зевнул парень. — В накладной только адрес склада: «Турция, Сиде», — дальше неразборчиво. Вам бы у продавца спросить. Вот, взгляните, — и молодой человек протянул бумагу, но Костя отмахнулся.

— У продавца спросить, — повторил он, вздохнув. — Заносите.

Курьер легко сбежал по лестнице к лифту и вернулся с несоразмерно большим пластиковым горшком, из которого робко тянулся вверх ствол. Худенький, кривенький, сантиметров в двадцать. На нем круглая зелёная шапка.

— Хм,— хмыкнул Костик,— тоже мне дерево. А оно точно апельсиновое?— он крутил горшок и рассматривал вытянутые плотные листья.

— Так по накладной.

— Куда же мне его ставить?— огляделся Костик.

Квартира была пустой, и места было полно.

— Не знаю, может, в комнату. У окна светлее. Да у вас и штор нету.

— Не нужны, потому и нету,— огрызнулся Костик.

— Вы бы расписались,— курьер вновь зевнул.— Адреса ещё.

— Минуту,— Костик медленно выводил свою фамилию в накладной, словно тянул нарочно. Будто боялся остаться наедине с новым жильцом.— Может, знаете, как за ними обычно ухаживают?

Но курьер только повёл плечами, свернул на двое бумаги и заторопился по лестнице.

Костик сидел близко к дереву на полу, подогнув ноги. Он залил землю, и теперь вода вытекала из поддона, и он собирал её тряпкой и выжимал в ведро.

— Как и за всяким растением,— успокаивал себя Костик.— Не ребёнка же Светка оставила, всего лишь дерево. Апельсиновое.